

Бай Юньфэй был поражён тем, что раны, которые должны были зажить за несколько дней, исчезли за считанные минуты. Юноша снова помахал рукой в воздухе, чтобы удостовериться, что чувства его не обманывают.

«Это... это “Гидротерапия”? Ух... удивительно!..»

«Ха-ха, это лишь простейшая техника лечения. Твой организм и без того очень сильный и здоровый, поэтому даже такая малость оказалось на удивление эффективной».

Чу Цинсюэ, наблюдавшая за их разговором со стороны, усмехнулась: «Тинтин, ты уж слишком прибедняешься. Исцеляющие техники Школы Воды известны на весь континент. И среди них Гидротерапия далеко не самый простой вариант. Более того, с первого взгляда понятно, насколько ты в этом хороша. Как и сказал Сило, твоё исполнение техники безупречно, удивительно для твоего возраста».

«Тинтин, — в голосе Тан Синьюнь послышалась признательность, — спасибо тебе...»

Коу Тинтин засмеялась: «Синьюнь, ты меня смущаешь. Даже Юньфэй ещё не успел сказать спасибо. Или ты говоришь от его лица?»

Слова Коу Тинтин заставили девушку слегка покраснеть; Бай Юньфэй кашлянул, чтобы скрыть смущение, и поспешил сменить тему: «Ах да, Сило, Тинтин, почему бы нам ещё не погулять по Мо? Уверен, что в столице ещё есть множество мест, которые стоило бы посетить!»

«Хе-хе, действительно, — с улыбкой подтвердила Чу Цинсюэ. – Позвольте Синьюнь быть вашей провожатой. Главное, постарайтесь вернуться до вечера».

В резиденции Тан делать было, по большей части, нечего, так что предложение Бай Юньфэя было принято единогласно. Они попрощались с Чу Цинсюэ и Чжао Маньчэй и отправились на экскурсию. План был простым: посетить все достопримечательности, какие только возможно, и вернуться в поместье до заката.

Каждый год в девятый день девятого месяца империя Тяньхунь отмечала Фестиваль Воссоединения. Несмотря на строгую церемониальную торжественность события, многие искренне любили этот “согревающий душу” праздник. Как и следовало из названия, во время Фестиваля Воссоединения все жители империи – рабочие, торговцы, чиновники и другие – возвращались домой, чтобы повидаться со своими родными.

Семьи, состоящие в основном из духовных практиков, обычно игнорировали этот “мирской” праздник, оставляя его на откуп обычным людям, однако Тан предпочли поддерживать традицию, устраивая в этот день семейное торжество. Большинство членов клана

возвращалось в Мо, и громадная резиденция до краёв заполнялась смехом и говором множества людей.

Десятки массивных столов занимали всё пространство необъятного двора. Люди сидели не вразнобой, а в соответствии со своим положением в клане. Повсюду слышались тосты, взрывы смеха и звон столовых приборов. Всё это куда больше походило на пиршество какой-нибудь богатой семьи торговцев, чем на собрание духовных практиков.

Тан Синьюнь говорила, что в прошлом во время Фестиваля Воссоединения они с матерью чаще всего тихонько сидели в самом дальнем углу. Даже “вернувшиеся” члены клана предпочитали игнорировать их, не желая навлекать на себя гнев нынешней хозяйки резиденции.

Однако в этом году всё было иначе. Вместо укромного угла Чу Цинсюэ усадили за центральный стол, более того, прямо рядом с Тан Цяньлэем.

Бай Юньфэй с Тан Синьюнь, а также и Чжао Сило с Коу Тинтин, разместились за столом, который “курировал” Тан Чжи.

Пока Тан Синьюнь отдавала дань уважения всяким вторым, третьим и прочим девятнадцатым дядюшкам, к Бай Юньфэю точно так же потянулись пожилые представители клана. Каждый из них имел солидный статус и уровень духовного развития; все до единого держались подчёркнуто вежливо, но в разговоре то и дело затрагивалась Школа Ремесла.

Судя по всему, их привлекал статус Бай Юньфэя... впрочем, ничего удивительного.

Если бы юноша не был личным учеником главы Школы Ремесла предыдущего поколения, разве кто-нибудь из них хотя бы посмотрел бы в его сторону?

Самые значимые фигуры клана Тан, такие как дед и прадед Тан Синьюнь, на банкете так и не показались. Как и Цзы Цзинь до недавнего времени, они проводили свои дни в отшельничестве, не слишком интересуясь мирской суетой.

Бай Юньфэй также смог наконец увидеть третью жену главы клана, Хуа Юэин, о которой у него заведомо сложилось мнение, что это женщина с сердцем змеи или даже скорпиона.

Однако выглядела она совершенно не так, как он себе представлял. Эта женщина производила впечатление спокойной и грациозной особы, приятной как для глаза, так и в общении. Она сидела рядом с Тан Цяньлэем и непринуждённо разговаривала с Чу Цинсюэ, ничем не выказывая своего враждебного отношения.

Нежная белая – почти прозрачная – кожа резко контрастировала с огненно-алым платьем. Её вишнёво-красные губы и изящный изгиб глаз, как у легендарных фениксов, невольно притягивал взгляды. На вид ей было лет шестнадцать, и мало кто мог остаться равнодушным

при виде такой красоты. Если Чу Цинсюэ была снежным лотосом, то Хуа Юэин можно было назвать ослепительной розой.

Спроси у кого, кто из двух женщин обладал большим очарованием, и любой без колебаний указал бы на Хуа Юэин.

Несколько членов клана, примерно одного возраста с Бай Юньфэем, сидели с ним за столом. Он не знал, проинструктировали ли их родители, или же это была их собственная инициатива. В любом случае, в адрес Тан Синьюнь они себе неуважения не позволяли, а к Бай Юньфэю и Чжао Сило обращались с почтением и энтузиазмом.

Чжао Сило, будучи прямолинейным и общительным человеком, благодушно поддерживал беседу, а вот Бай Юньфэя такие вещи не слишком интересовали. Поэтому он сосредоточился на своей еде и на болтовне Тан Синьюнь и Коу Тинтин.

Отпрыски Тан Цяньлэя, главы клана, были представлены четырьмя сыновьями и дочерью. Не считая третьего сына, высланного куда-то учиться, имелись ещё старший наследник, Тан Цзин, второй сын Тан Чжи, четвёртая в очереди Тан Синьюнь и самый младший сын Тан Мин. Последний был сыном Хуа Юэин, гениальным ребёнком, подобные которому в клане появлялись не чаще раза в столетие. В своём нежном возрасте шестнадцати лет этот отрок уже достиг поздней стадии Ядра Духа и вскоре, если не возникнет непредвиденных осложнений, должен был прорваться на ступень Предка Духа.

Бай Юньфэй так ни разу и не увидел этого юношу за всё время пребывания в гостях у Тан. Заинтересовавшись этим вопросом, он обнаружил, что Тан Мина забрал в обучающее странствие его дед.

Празднование продолжалось несколько часов, после чего плавно закруглилось. По-прежнему весело переговаривающиеся между собой юнцы из младшего поколения отправились на поклон к старшим, надеясь быть замеченными или даже получить благословение или похвалу от таких фигур, как Тан Цяньлэй.

Когда подошла очередь Бай Юньфэя с Тан Синьюнь, они подошли к Чу Цинсюэ, и Бай Юньфэй извлёк из пространственного кольца маленький деревянный футляр со словами: «Тётушка Сюэ, у меня для вас небольшой подарок. Пусть любые болезни обходят вас стороной, а юность продлится ещё несчётные годы!»

«Подарок?» — удивлённо отозвалась Чу Цинсюэ. Даже её дочь ничего об этом не знала, поэтому действия Юньфэя застали женщину врасплох.

Юноша улыбнулся: «Это не бог весть что, но, надеюсь, вам понравится, тётушка Сюэ».

«Ты слишком вежлив, дитя моё... — “упрекнула” его Чу Цинсюэ, но с благодарностью приняла подношение. — Ты и так уже преподнёс мне неоценимый дар, сопроводив мою дочь от самой

школы. Я и до этого не знала, как тебя благодарить, а ты снова ставишь меня в неловкое положение?...»

После того, как деревянная коробочка оказалась у неё в руках, женщина осторожно подняла крышку, обнаружив внутри пару янтарных серёжек*.

Прим. W: В тексте эти серьги упоминаются то в единственном числе, то во множественном, поэтому я выбрал один вариант (множ.) и буду его придерживаться.

Тан Синьюнь округлила глаза: «Юньфэй, это же тот духовный предмет, который ты приобрёл вчера?»

«Что?! — брови Чу Цинсюэ взлетели вверх. Она нерешительно дотронулась до украшения. — Синьюнь... Ты хочешь сказать, что это... духовный предмет?!»

Бай Юньфэй с улыбкой кивнул: «Всё верно, это действительно духовный предмет. Не самого лучшего качества, однако он обладает свойством укреплять тело. Возможно, это сможет немного помочь вам бороться с болезнью».

Только редкие духовные практики, которым доводилось сталкиваться с духовными артефактами в виде украшений, отдавали себе отчёт в том, насколько это редкие и дорогие предметы. И когда Бай Юньфэй выдал своё возмутительное “не самого лучшего качества”, эти люди потеряли дар речи.

«Да уж, сразу понятно, что он из Школы Ремесла. Так “беспечно” разбрасываться подобными сокровищами...»

Чу Цинсюэ, видя искреннюю заботу юноши, не стала больше ничего говорить. Она с благодарностью приняла подарок и завязала с Юньфэем и Синьюнь оживлённый разговор.

На лицах многих членов клана, ставших свидетелями этого события, отразились глубокие раздумья...

Фс-с-с... Бам! Фс-с-с-с-с... Ба-бам!

Через какое-то время до ушей собравшихся донёсся звук первых праздничных фейерверков, а потемневшие небеса засияли всеми цветами радуги. Никто не знал, откуда был запущен первый заряд, однако очень скоро примеру последовал весь город.

Ослепительные вспышки и взрывы заставили столицу содрогнуться. Каждый фейерверк

принимал свои уникальные очертания и цвета на ночном небе, некоторые даже складывались в настоящие слова, желающие “благ всем и каждому”.

С улыбкой наблюдая за развернувшимся в небе представлением, Бай Юньфэй почувствовал, что опостылевший уже банкет становится хоть немного более приятным.

«Ха-ха, Юньфэй, гляди! Вон тот принял форму птицы!..» — Тан Синьюнь, с удовольствием разглядывавшая красочные взрывы, радостно ткнула пальцем куда-то влево.

«Угу, вижу! Умелец, сотворивший этот фейерверк, воистину удивил...»

Бай Юньфэй засмеялся, и уже хотел сказать что-то ещё, как вдруг нечто необычное заставило его застыть с приоткрытым ртом.

В сомнении наклонив голову, юноша уставился в небеса, словно не веря своим глазам.

Там, в вышине, на фоне бесчисленных взрывов и буйства красок обнаружился весьма необычный фейерверк. После взрыва он оставил после себя ярко светящиеся слова, в которых не было ни намёка на праздник или поздравления. Вместо этого они читались как...

«Я Великий Разбойник!!!»

<http://tl.rulate.ru/book/298/329717>